

Четверг, 5 января 1978 года

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ назад имя драматурга Александра Вампилова почти не было известно читателю и зрителю. Шла лишь его первая юношеская пьеса «Прощание в июне». Потом одна за другой появились «Старший сын» (впервые был поставлен в Иркутске, где жил Вампилов, и с тех пор выдержал там около 400 представлений), «Прошлым летом в Чулимске» (особенно примечательны спектакли в Московском театре имени Ермоловой и Ленинградском БДТ), «Провинциальные анекдоты» (с большим успехом они идут сейчас в московском «Современнике») и, наконец, «Утиная охота» — вершина творчества Вампилова. Он страстно желал увидеть на сцене это самое сложное свое творение. Но так и не увидел. В 1972 году Александр Вампилов утонул в Байкале. Сейчас ему было бы всего сорок лет...

А пьесы его живут и год от года становятся популярнее. Они прочно вошли в театральный репертуар всей страны, пользуются успехом в Берлине, Варшаве, Бухаресте... Недавно ленинградский телеспектакль «Старший сын» получил премию за лучший сценарий на международном фестивале в Праге. О Вампилове много пишут, много спорят. В его наследии, таком небольшом, но таком емком, открываются все новые и новые глубины.

Критики пишут о парадоксах, необычности творчества Вампилова. Если его пьесы, как поток света, проносятся через линзу — мы не увидим привычных цветов спектра. Радость с оттенком грусти, отчаяние с благодушным самоощущением и надеждой, лирика с едва ощутимой ироничностью... Неоднозначны герои Вампилова. Неправдоподобные на первый взгляд ситуации («Старший сын», «Провинциальные анекдоты») тем не менее потрясающе достоверны. В «спектре Вампилова» есть и невидимые инфра- и ультрафиолет. Поэтому-то восприятие его пьес — и режиссерами, и актерами, и критикой, и, наконец, зрителем — так многообразно.

«Загадки» Вампилова касаются и его личности — никому не известный паренек из Сибири за несколько лет стал блистательным драматургом. В его неоконченной пьесоводевиле «Несравненный Наконечников» в драматурга «превращается» парикмахер. Как всегда у Вампилова, ситуация почти абсурдна и, как всегда, — за кажущейся легкостью, своеобразным юмором — глубокая и серьезная мысль: талант может проснуться в любом человеке, и его проявление подобно внезапно хлынувшему ливню, лавине, которую ничем не остановить, она сметет все препятствия на своем пути.

«Волшебная лампа», которая освещает мир героев Александра Вампилова, превращает в реальность самые невероятные случаи жизни. Ее луч проник в тайники души «кошмарного старика» Золотуева, заставил мысленно пережить свою смерть героя «Утиной охоты», оплакать свою жизнь администратора гостиницы Калошина, превратил в «ангела» агронома Хомутова, высветлил, возвысил до высокой поэзии судьбу официантки из чайной Валентины...

Недавно я побывала в поселке Кутулик, где жил и учился Александр Вампилов. На мысль о поездке натолкнул меня перепечатанный недавно «Сменой» его старый газетный очерк «Кутулиские прогулки». Автор долго не был в стране своего детства, и вот заново открывает ее для себя:

«Райцентр, похожий на все райцентры России, но на всю Россию все-таки единственный. В Кутулике у меня прошли детство и школьные годы. Вышло так, что давно уж я здесь не живу, а приезжаю сюда. Получается редко и ненадолго. Вот и сейчас: не был три года, а приехал на неделю... Но, отдаваясь, не чаще ли я стал возвращаться сюда в своих мыслях?»

Итак, прочитать, понять, почувствовать хотя бы одну страницу его жизни, найти хотя бы один, крохотный исток его творчества, его судьбы. И вот Кутулик — по-бурятски, яма. Но ощущения, что это низкое место, нет. Местность чуть холмистая, домам, улицам есть где разместиться, за околицей почти плоская степь в белой пелене. Солнечно, снежно, хорошо дышится.

Тесно, более чем скромно жили Вампиловы в те годы. Но была в семье создаваемая и оберегаемая Анастасией Прокопьевной атмосфера высокой интеллигентности, благородства взаимоотношений, жизни и духа.

В школьном музее Вампилова (он размещен в библиотеке, в домике, тут же во дворе) я обратила внимание на выставку — детские рисунки к раннему рассказу Александры «Солнце в аистовом гнезде». Какой поэтичный, красочный мир открылся в этих листочках, на одном из которых написано каракулями: «Витька ждет чуда!». Чувствуется, что дети приняли героя рассказа, как своего, поняли его. «Что думает человек, который не видел ни одного животного слона, никогда не ездил в поезде, ни разу не был в те-

круг не было ни одного пианино. И Саша выучился играть на гитаре, которая принадлежала еще прадеду. Он самостоятельно овладел музыкальной грамотой и организовал в школе струнный оркестр. Уже позднее, в студенческие годы, Александр часто приносил в общежитие пластинки. И звучало в тесной комнатке непривычное, многоголосое и торжественное: «Обнимитесь, миллионы!» — бетховенская ода «К радости», Шопен и Рахманинов (так удивительно угаданный постановщиками телеспектакля «Старший сын»), русские романсы под гитару.

Была у Саши тетрадь, которую он никому не показывал. Первые стихи, первые литературные пробы. Он читал их друзьям с условием — хранить эту тайну. Но разговоры шли — Саша пишет. На заня-

данность, свежесть сюжетных ходов, мудрые, тонкие авторские комментарии, сами по себе заслуживающие исследования литературоведов.

В самом начале, на первых подступах к наследию Вампилова нет-нет, да и проскальзывало в печати умиление этаким «сибирским парнишкой из улуса», пишущим «по наитию», нутром. Легенда эта скоропостижно увяла. «Невооруженным глазом» видно, что пьесы Вампилова — плоды высочайшего профессионализма, богатейшей внутренней культуры. Вампилов был глубоким знатоком русской классики и литературной критики XIX века, наизусть читающим эпиграммы Пушкина и любимые строки рассказов Чехова...

Началось в классе — продолжалось в Иркутском университете, самом старом университете Сибири, где сложилась школа литераторов, литературоведов, критиков... Культ эрудиции, образованности царил и в семье Вампиловых.

«Университеты» Вампилова не были горьковскими. Он днями просиживал в научной библиотеке, а на столе его соседствовали пожелтевшие книги и журналы прошлого века с только что изданными трудами крупнейших литературоведов. Его природный талант был «огранен» и отшлифован.

Но вернемся в Кутулик, в школьную ограду, в библиотеку, где висит большой портрет Саши — старшеклассника и стоят на полке тонкие, до дыр зачитанные книжки альманахов «Сибирь» и «Ангара» с его публикациями. Здесь после уроков собираются члены литературного кружка «Вампиловцев». Они вместе с Клавдией Николаевной и ответственной за музей Юлией Борисовной Соломенной собрали школьные фотографии Саши, воспоминания о нем, раздобыли афиши спектаклей, в том числе и зарубежных, поддерживают связь с родными Вампилова — Анастасией Прокопьевой, братом Михаилом — геологом, сестрой Галиной — Галиной Валентиновной, учительницей литературы в одной из иркутских школ...

По инициативе школы улица Нижняя в поселке названа именем ее ученика. Вот-вот освободится бывшая квартира Вампиловых, и туда переберется музей. Год назад в школе прошли Вампиловские чтения с участием иркутских писателей, журналистов, однокашников Александра и, конечно, учителей. Сейчас школа готовится ко вторым чтениям.

...Солнечно, тихо. И почему-то не хочется уходить со двора, где когда-то босоногий мальчишка со спутанными кудрями гонял мяч.

«Все кругом было настолько привычно, что мне на мгновение показалось, что я вовсе отсюда не уезжал. Нет, что и говорить, нигде на свете небо не бывает таким ясным, и нигде, если долгая непогода, оно не томит так своей безысходностью. Травы пахнут здесь сильнее, чем где-либо, и нигде и никогда я не видел дороги заманчивей этой вот, что по дальней горе вьется среди безрез и пашен».

— Вы знаете, я стала как-то по-иному, внимательнее относиться к своим ученикам, — говорит Клавдия Николаевна. — А вдруг...

Толпа мальчишек в валенках, шапках набекрень вырывается из дверей школы. Один уже повалился в свежий пушистый снег...

...А вдруг среди них новый Вампилов?

В. ГАЛКИНА.

пос. Кутулик
Иркутской области.

«ТРАВЫ ПАХНУТ ЗДЕСЬ СИЛЬНЕЙ...»

Школа начинается с палисадника, густо засаженного акацией, — как должно быть зелено и весело здесь весной! Какая-то из акаций — Сашина. Старое здание со скрипучими половицами, давно уж потерявшее первоначальный облик от множества пристроек и перестроек, но по-своему уютное, с тем «домашним» семейным духом, который бывает в деревенских школах. Этот дух семьи еще сильнее ощущался здесь, когда учился Саша. Учителя жили тут же, во дворе, в «школьной оградке», в маленьких домиках. Сейчас многие переехали, и школа присоединила домики к своим владениям.

Дом Вампиловых остался — старый, барачного типа, из толстых лиственных бревен, с окнами без наличников. Здесь по-прежнему живут учителя. Когда-то в нем был переселенный пункт, и здесь останавливались каторжане по дороге в Александровский централ — на последнюю ночевку. Здесь в 1937-м начала свою жизнь в Кутулике семья Вампиловых: директор школы, словесник Валентин Никитич, учительница математики Анастасия Прокопьевна и четверо детей. Отца Саши хорошо помнят в поселке — он был ярким, незаурядным человеком, интеллигентом в полном смысле слова.

В том, 1937-м, исполнилось сто лет гибели Пушкина. Валентин Никитич назвал только что родившегося сына Александром — в его честь. Трогательный факт — жители дальнего бурятского поселка собрались в клубе, чтобы почтить память великого поэта. Валентин Никитич говорил о Пушкине. А потом, отложив в сторону листочки, стал читать стихи... Сейчас уже никто не помнит тех возвышенных, волнующих слов, которыми завершил свое выступление учитель литературы. Осталось только впечатление — очень сильное, до глубины сердца.

Маленькая комнатка и кухня, два окна — на улицу и во двор. Стол, покрытый клеенкой. Кровать за ситцевым пологом, где спит бабушка Александра Африкановна. Всюду книги — старинные, в тисненых переплетках, и новые, издаваемые в военное время на темной бумаге, в тонких об-

атре? Что думает он, сидя на крыльце сельского клуба, нежный майским вечером? Чувствует ли он себя несчастным? Ничуть.

Он сидит на крыльце вполне счастливый, весь наполненный любопытством и удивлением прекрасным этим миром. Он готов поверить чему угодно, готов что угодно понять. Знакомый мир кончается за дальними вербами, пыльная дорога через поле ведет прямо к чудесам и открытиям...

Анастасия Прокопьевна говорит, что этот рассказ — Сашино воспоминание о детстве. Он любил сидеть на крыльце, глядя на солнце, утреннее, только что подымавшееся над степью, и вечернее, грустное. Сидеть, погрузившись в себя, в свой мир... Это более чем воспоминание — это мироощущение тогдашнего Саши, жадно впитывающего окружающий мир и ждущего от него чуда.

Он жил той обычной жизнью, что и все его сверстники. Гонял мяч на поляне возле школы, бегал на берег Алять купаться, «гарцевал» на старой школьной кляче... Как все, копал картошку и косил сено, мастерски рубил дрова для школьных печей. Он был в полной мере сыном нетронутых, пахнущих разнотравьем, уходящих за горизонт аларских степей.

Широкие сатиновые шаровары, выгоревшая на солнце майка или клетчатая рубашка, босые или обутые в спортивные тапочки ноги и копыта буйных пушкинских кудрей — вот его портрет. И таким его помнят в школе. Когда он впервые в жизни, на выпускном вечере, появился в новом, «настоящем» костюме, его не сразу узнали. Это был другой Саша, мысленно, душевно уже отошедший от школы, от кутуликской жизни, от детства...

Он был одарен. Об этом единодушно говорят все. Когда молоденькая учительница литературы Клавдия Николаевна Токтонова увидела его рисунок, она подумала, что мальчик будет художником. В десятом классе по ролям читали «На дне» Горького. Саша — за Сатина и Актера. Вскоре все готовы были слушать только его. Он жадно тянулся к музыке, но в военные и послевоенные годы на много километров во-

тнях литературного кружка, который вела Клавдия Николаевна, сидели по трое за партой. Читали, спорили допоздна. И в этих дискуссиях ярко, огненно, азартно горели Сашины раскосые глаза...

Волосы Клавдии Николаевны сейчас густо подернуты седой — с тех пор прошло двадцать с лишним лет. Ее часто спрашивают, видела ли она талант в своем воспитанике? Клавдия Николаевна честно отвечает: нет. Тогда, в школьные годы, он еще вбирал в себя знания, впечатления, жизнь... Проявлялась незаурядная личность. Но где, в какой области она выразит себя в полном своем блеске — было неясно.

Клавдия Николаевна задумывается:

— Сочинение... У всех на партах груды книг. Стараются пережевывать друг друга редкой читатой, эффектным эпиграфом. У Саши пустая парта — ручка и несколько листков бумаги. Он смотрит на доску, где написаны темы, выбирает, сосредоточивается. И начинает писать — крупным, размашистым почерком, не отвлекаясь, прямо на чистовик... То, что думает о писателе и его творчестве, как его воспринимает...

Эти сочинения многих смущали своей неординарностью. Но спорить с Сашей было невозможно: никогда не шел на компромисс, если был убежден в чем-то.

Он уехал из Кутулика восемнадцатилетним. Но когда стали появляться его пьесы, кутуличане с удивлением находили в них знакомые фамилии, похожие ситуации, людей, чем-то напоминающих односельчан, — одноногого фронтовика, буфетчицу в чайной из «Прошлым летом в Чулимске». А Пашка? Да вот он и сейчас стоит у Дома культуры в щегольской куртке с молниями...

Критики отмечают, что Вампилов не знал издержек ученичества, что первая же его пьеса «Прощание в июне» написана рукой мастера, прекрасно владеющего всем арсеналом драматургических средств. Пружинистый диалог, стремительно развивающееся действие, удивительно емкие монологи, поражающие глубиной проникновения в тайники человеческих душ, нежиз-